

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 46.

22 НОЯБРЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
изгородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложеніями.
Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 23.

**Къ № 46-му предлагается: новая
кадриль «Le prince Imperial».**

Содержаніе: Театральная лѣтопись. — Много ли мы имѣемъ по исторіи древняго русскаго театра? — Отвѣтъ Мило-славскаго на обвиненіе г. Баженова. — Лудвигъ Шпоръ. — Вѣсти отовсюду.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Бенефисъ г. Григорьева. — Итальянская опера: Карлъ Сильмй. — *Bis* и вызовы. — Трубадуръ. — Бенефисъ г. Бузахова. — Дебютъ г-жи Штольте. — Вновь отстроившійся залъ Михайловскаго театра. — Бенефисъ г-жи Роже-Солье.

Г. Григорьевъ 1-й, въ свой бенефисъ, 16 ноября, поставилъ переведенную съ французскаго драму гг. Дюмануара и Деннери «Старый Капралъ». Въ этомъ произведеніи изобрѣтательность авторовъ доходитъ до крайнихъ размѣровъ, эффекты, слѣдуя безпрестанно одинъ за другимъ, не даютъ зрителю ни малѣйшаго отдыха, въ особенности авторъ овладѣваетъ сильно зрительницами, употребляя для этого: батальный огонь на полѣ битвы, неожиданные выстрѣлы въ комнатахъ, присутствіе малолѣтней дѣвочки въ пылу сраженія, внезапный отъѣздъ, столь-же внезапную остановку, свиданіе отца и дѣтей и возникающіе, совершенно неожиданно, препятствія къ этому свиданію, лишеніе языка вслѣдствіе душевнаго потрясенія и возвращеніе способности говорить отъ нечаяннаго выстрѣла, намѣренное самоубійство и случайное избавленіе отъ смерти, безчисленное количество несчастныхъ приключеній и счастливый конецъ, и проч. и проч.

Означенная драма напоминаетъ собою вывѣски, на которыхъ элементарнымъ и нагляднымъ способомъ изображаются разные предметы торговли для того, чтобы привлечь покупателя и озадачить его разнообразіемъ товара. Вывѣски, № 46.

обыкновенно, не подвергаются критикѣ, но если уже необходимо извѣщать о каждой новой вывѣскѣ и дѣлать ей характеристику, то для этого лучше всего рассказать, что и въ какомъ порядкѣ изображено на вывѣскѣ.

Лагерь подъ Ульмомъ. Генералъ Рокберъ ожидаетъ приказанія Наполеона 1-го начать дѣло; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы послѣ войны, которая должна увѣнчать его титлами, жениться на дѣвушкѣ, родители которой противятся этому браку вслѣдствіе своей знатности; у генерала и m-lle Мины фонъ-Ранцбергъ есть уже маленькая дочь. Предъ началомъ сраженія является въ лагерь невѣста генерала съ дочерью. Мѣстопробываніе это не совсѣмъ безопасно, а потому генералъ отправляетъ невѣсту въ Штудгартъ, а маленькую дочь отдаетъ на попеченіе стараго, вѣрнаго капрала Симона; но онъ пылкій воинъ, и вмѣсто того, чтобы идти въ лѣсъ, удаленный отъ мѣста сраженія, Симонъ, посадивъ дѣвочку къ себѣ на плеча, становится на перекрестномъ огнѣ и самъ заряжаетъ ружье, готовясь отстрѣливаться. Выстрѣлы дѣлаются все чаще и чаще, падаютъ раненые и убитые, съ Симона сбита шапка, а дѣвочка, сидя у него на плечахъ, старается ловить свистящія пули. (Не правда-ли какъ изобрѣтательно!)

Генералъ Рокберъ раненъ смертельно, но онъ прежде еще оставилъ завѣщаніе, по которому оставляетъ свои жалованныя земли въ наслѣдство дочери: завѣщаніе, инкогнито, хранится у нотариуса, который долженъ вскрыть конвертъ, когда къ нему явится лично или самъ генералъ, или тотъ кто назоветъ ему имя «фонъ-Ранцбергъ»; это послѣднее порученіе возложено на Симона,

Дочь умершаго генерала воспитывается въ домѣ Симона, подъ именемъ дочери сего послѣдняго, а самъ Симонъ продолжаетъ военные походы, не бывавъ у нотариуса, хранящаго завѣщаніе генерала; между тѣмъ, имѣніемъ генерала, воспользовался уже по наслѣдству братъ его, каменщикъ Фрошаръ.

Черезъ 11 лѣтъ, старый капралъ Симонъ возвращается на

родину, гдѣ его считаютъ давно уже погибшимъ. Прежде, чѣмъ онъ увидѣлся съ своими дѣтьми и поразилъ ихъ неожиданно продолженіемъ своего существованія, онъ встрѣтился съ Фрошаромъ, который служитъ уже помощникомъ мера этой провинціи, и проболтался, сему послѣднему, что генераль Рокберъ оставилъ послѣ своей смерти завѣщаніе, которое будетъ вскрыто, какъ скоро Симонъ пойдетъ къ нотариусу. Фрошаръ тотчасъ-же нашелъ случай оклеветать Симона въ воровствѣ и укралъ у него изъ мѣшка паспортъ, чтобы обвинить его въ бродяжничествѣ. Фрошаръ называетъ Симона воромъ и бродягой, и когда тайно положенный въ котомку Симона мѣшокъ съ деньгами и отсутствіе паспорта, лишаютъ его возможности доказать свою невинность, онъ съ отчаянія лишается языка. Симонъ не знаетъ грамотѣ, и такимъ образомъ онъ ничего не можетъ сдѣлать для своего оправданія и даже объяснить своимъ дѣтямъ, что онъ отецъ ихъ. Фрошаръ требуетъ, чтобы Симонъ немедленно удался изъ деревни; но онъ рѣшается чрезъ нѣсколько дней войти къ своимъ дѣтямъ и старается объяснить имъ пантомимой, что онъ отецъ ихъ. Какъ ни трудно подобное объясненіе, но оно вѣщается успѣхомъ; къ довершенію благополучія приходитъ сюда-же Пикарь, конный егеръ, пораженный подъ Ульмомъ двумя пулями въ грудь въ глазахъ Симона, и оставшійся, не смотря на то, живымъ. Пикарь знаетъ имя «фонъ-Рапцбергъ» и Симонъ сумѣлъ объяснить ему, чтобы онъ назвалъ это имя нотариусу, который тоже пришелъ къ дѣтямъ Симона для розысканія съ нихъ долга въ пользу Фрошара. Развязка кажется уже близкой и можно ожидать, что страданія Симона, немогущаго исполнить воли своего генерала, прекратятся; но здѣсь является новое обстоятельство: сынъ этого Пикаря укралъ деньги у Фрошара и на это есть доказательство; Фрошаръ грозитъ Пикарю предать его сына въ руки правосудія, если тотъ пазоветъ имя, могущее, какъ извѣстно, лишить Фрошара полученнаго имъ наслѣдства. Борьба между долгомъ чести и чувствомъ отца къ сыну кончается тѣмъ, что Пикарь лишаетъ себя жизни. Опять исчезла всякая возможность открыть завѣщаніе. Фрошаръ предлагаетъ списхождение своимъ должникамъ, если Женева (та самая дѣвочка, которая въ первомъ дѣйствіи сидѣла на плечахъ у Симона) выйдетъ за него замужъ. Но предложеніе это отвергнуто, и Симонъ съ своими дѣтьми выгнаны изъ дома.

Близъ деревни есть замокъ, въ которомъ живетъ бывший интендантъ наполеоновской арміи, Таверни, женившійся на м-ле фонъ-Рапцбергъ. Она страдаетъ отъ того, что не знаетъ, какаго судьба постигла ея дочь, оставленную въ лагерь генерала Рокбера, а Таверни вовсе не желаетъ, чтобы дѣвочка эта отыскалась когда нибудь, потому что иначе будетъ обнаружена тайна рожденія ея, пельстящая самолюбію Таверни. Мимо воротъ замка проходитъ старый Симонъ въ сопровожденіи своей дочери; съ нимъ дѣлается дурно, и дочь звонитъ у воротъ замка, прося о помощи отцу. Г-жа Таверни видитъ передъ собою Женева. Здѣсь начинается сочувствіе душъ; мать и дочь чувствуютъ другъ къ другу непреодолимое влеченіе; наконецъ Симонъ, узнавъ въ г-жѣ Таверни фонъ-Рапцбергъ, объясняетъ пантомимой, что Женева ея дочь.

Таверни недоволенъ открытіемъ и собирается уѣхать навсегда изъ этого замка; но есть еще возможность поправить дѣло: выдать Женева замужъ за Фрошара; такимъ образомъ наслѣдство останется въ его рукахъ, а онъ въ свою очередь оставитъ въ вѣчной тайнѣ происхождение Женева-

вы. Г-жа Таверни убѣждаетъ свою дочь на это замужество; Женева соглашается жертвовать собою за честь и счастье своей матери и объявляетъ, что согласна сдѣлаться женою Фрошара, скрывая, что ненавидитъ его, любя страстно сына Симона, Люсьена. Является нотариусъ для заключенія брачнаго контракта. Въ это время входитъ въ комнату Симонъ и сынъ его Люсьенъ. Послѣдній въ совершенномъ отчаяніи, что Женева выходитъ замужъ не за него, а за Фрошара. Когда Таверни собирался уѣхать изъ замка, приготовлены были дорожные pistols, которые заряженными лежали на бюро; Люсьенъ нѣсколько разъ уже брался за pistols, чтобы застрѣлиться и наконецъ рѣшился: раздается выстрѣлъ изъ pistols, направленнаго въ грудь молодого человѣка, но пуля пролетѣла мимо. Симонъ отъ испуга, что сынъ его застрѣлился, падаетъ, произнося слово «безумный!»—нѣмота его, служившая такъ долго пружиной всѣхъ хитросплетеній настоящей драмы, исчезла, и къ общему удовольствію драма оканчивается одной, уже незначительной, неожиданностію: Симонъ объявляетъ нотариусу имя фонъ-Рапцбергъ, указывая на Женева, и прибавляя, что мать ея умерла. Всѣ, кромѣ Фрошара, остаются довольны; а онъ—съ длиннымъ посомъ, въ виду зрителя, имѣвшего терпѣніе выслушать пять актовъ «Старого Капрала».

Г. Григорьеву, въ роли Симона, этой Фенеллы въ капральскомъ мундирѣ, было много работы въ пантомимныхъ сценахъ; Г-жи Жулевой, въ роли фонъ-Рапцбергъ, и г-жи Ситковой З, въ роли Женева, выросшей изъ Эммины, 6 лѣтней дѣвочки, роль которой въ первомъ дѣйствіи исполнила воспитанница Ламби, нелегко было исполнять сцену сочувствія душъ; всѣ-же прочіе роли были неумотительны.

Многія мѣста піесы вызвали громкія рукоплесканія, но почему — неизвѣстно. Признаки, свидѣтельствующія, обыкновенно, о трогательности піесы и нѣкоторомъ умиленіи, производимомъ ею, слышались нерѣдко во время представленія «Старого Капрала», изъ чего мы осмѣливаемся заключить, что большинство почтеннѣйшей публики осталось очень довольно произведеніемъ г. Деннери, который, вѣроятно, приобрѣлъ уже достаточную популярность и въ С.-Петербургѣ, по нѣсколькимъ, поставленнымъ въ самомъ непродолжительномъ времени на Александринскомъ Театрѣ, піесамъ сего неумотимаго и глубокомысленнаго писателя, обладающаго при томъ способностью писать къ сроку драмы по заказамъ директоровъ бульварныхъ театровъ Парижа. Г. Деннери не пишетъ піесъ для «Comédie Française», и это очень расчетливо съ его стороны—Театръ «Comédie» одинъ въ Европѣ, а бульварныхъ очень много.

Второй піесой, данной въ бенефисъ г. Григорьева былъ извѣстный водевилъ бенефицианта «Жена Кавалериста»; въ исполненіи участвовали: гг. Сосницкій и Мартыновъ и г-жа Левкѣва.

Дивертиссементъ состоялъ изъ новой французской кадрили, поставленной г. Нишо; исполненіе этого танца сопровождалось, между прочимъ, тѣмъ, что одинъ изъ четырехъ танцовавшихъ *джентльменовъ* подражалъ нѣсколько манерамъ полковника Сколосуба.

А. Г.—ОВЪ.

Въ Итальянской Оперѣ капитальною новостію прошедшей недѣли было представленіе «Трубадура» съ новою обстановкою. Но прежде чѣмъ будемъ говорить объ этомъ представ-

леніи, долгомъ считаемъ сказать еще нѣсколько словъ объ исполненіи «Карла Смѣлаго», въ прошедшую пятницу. Тамберликъ былъ въ полномъ владѣніи своихъ средствъ, голосъ его былъ также звученъ и свѣжъ, какъ въ первые годы его пребыванія у насъ, онъ пѣлъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и привлекъ слушателей въ рѣшительный восторгъ. Гг. де-Бассини и Марини съ своей стороны тоже отличились, и любители истинно-хорошей музыки насладились вдоволь. Распространяться о красотахъ Карла Смѣлаго въ настоящее время, было бы странно; кто же изъ нашихъ меломановъ не знаетъ каждой нотки гениальнаго произведенія великаго Россини? крайне жаль только, что нѣкоторые мѣста оперы у насъ пропускаются. Въ подобнаго рода произведеніяхъ нѣтъ ни одной лишней ноты, и мы полагаемъ, что еслибъ Вильгельмъ Тель даваемъ былъ въ полномъ видѣ, онъ постоянно привлекалъ бы многочисленную публику. Иначе никакъ не можемъ объяснить себѣ равнодушія къ этой оперѣ нѣкоторой части публики; тогда какъ произведенія далеко посредственныя постоянно привлекаютъ въ театръ массы слушателей, въ представленіе «Карла Смѣлаго» цѣлые ряды креселъ и ложъ бывають пусты! Непостижимо! Зато есть меломаны, которые не пропускаютъ ни одного представленія и они-то наслаждаются отъ души. Изъявленія ихъ восторга доходятъ до крайнихъ предѣловъ, и мы должны опять повторить, что крайности въ изъявленіи ли восторга, или неудовольствія, неумѣстны. Привычка постоянно требовать повторенія любимыхъ мѣстъ, по нашему мнѣнію, неосновательна и вполнѣ эгонистическая; конечно, намъ пріятно слушать хорошую музыку, но слушаая, мы только наслаждаемся, а каково артистамъ, капельмейстеру и оркестру? Право объ этомъ стоитъ подумать серьезно; не говоримъ, иногда одно мѣсто — не бѣда бы, но у насъ *bis* слышно весьма часто во весь вечеръ, артисты съ привычной любезностію повторяють иногда больше, чѣмъ позволяютъ имъ средства, утомляются и отъ этой эгонистической привычки нерѣдко долженъ пострадать артистъ. Кстати уже затронемъ еще одинъ обычай нашихъ меломановъ, тоже доходящій до крайности: это страсть къ безчисленнымъ вызовамъ артистовъ. Вызовъ—поощреніе и лучшая награда для артиста, но чѣмъ онъ обдумываетъ и рѣже, тѣмъ болѣе цѣнитъ его артистъ. У насъ число вызововъ, въ теченіе одного вечера, простирается до невероятныхъ размѣровъ. Притомъ вызываютъ всѣхъ, безъ всякаго разбора (въ особенности верхніе слои, ради только потѣхи) вызываютъ во время представленія, послѣ каждой почти аріи, въ антрактахъ и по окончаніи. Артисты должны выходить, раскланиваться и опять вмѣсто того, чтобы отдохнуть и приготовиться къ слѣдующему дѣйствію или даже сценѣ, устають донельзя, отчего и антракты продолжаются гораздо дольше, что возбуждаетъ ропотъ въ остальной части публики. Кромѣ того вызовы эти возбуждають оппозицію, часть публики начинаетъ шикать; хотя это не можетъ быть обидно для артиста, потому что шикаютъ не артисту, а слишкомъ усерднымъ хлопальщикамъ. Часто во время самаго пѣнія и въ самомъ лучшемъ мѣстѣ начинаются уже крики и публика лишается удовольствія прослушать любимое мѣсто. По нашему, единодушный вызовъ, во-время, гораздо пріятнѣе и полезнѣе артисту, чѣмъ всѣ эти неумѣстныя оваціи; притомъ повторяемъ, чѣмъ рѣже вызовъ, тѣмъ болѣе онъ получаетъ значенія. И объ этомъ стоило бы тоже подумать.

Затѣмъ переходимъ къ «Трубадуру» —этой оперной Калифорніи. Стоитъ только объявить, и билеты разбираются въ расхватъ. Это не только у насъ, но и во всей Европѣ и въ

теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; еслибъ кто либо вздумалъ считать, сколько «Трубадуръ» далъ по настоящее время сборовъ во всѣхъ театрахъ, безъ сомнѣнія составилась бы громадная сумма. Трудно отыскать причину такого явленія, — очевидно только, что Верди угодилъ общему современному вкусу, что онъ мастерски умѣетъ поддѣлываться подъ требованія массы, а этого все-таки нельзя же достигнуть безъ особенно-замѣчательнаго таланта, и чтобы ни говорили строгіе судьи, нельзя не согласиться, что Верди весьма замѣчательный композиторъ, нельзя не согласиться, что въ его операхъ, и въ особенности въ «Трубадурѣ», есть красоты, которыя невольно увлекають всѣхъ, не исключая и строгихъ судей, которые, дѣлая гримасы, восторгаются впрочемъ внутренно. Не споримъ, что у Верди много недостатковъ, что исключительное его вліяніе можетъ быть вредно, что наравленіе его не всегда согласно съ высокими цѣлями искусства, но отъ времени до времени можно слушать Верди съ удовольствіемъ, даже съ большимъ, а по этому безусловно возставать противъ него, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ.

Въ нынѣшнемъ году въ оба представленія «Трубадура» театръ былъ по прежнему наполненъ, публика восторгалась по прежнему, и слѣдовательно по прежнему была вполнѣ довольна исполненіемъ. Тамберликъ былъ удивительно въ голосѣ, не смотря на то, что пѣлъ наканунѣ въ «Карлѣ Смѣломъ», и не говоря уже о блестящихъ его: *si* и *mi* (въ кабалеттѣ 3 дѣйств.) всю партію онъ исполнилъ вполнѣ артистически. Г-жа Лагура имѣла успѣхъ, какъ и въ прежнихъ операхъ; она сдѣлалась любимцею публики—тѣмъ лучше для нея; мы на этотъ разъ ничего не скажемъ, позволимъ себѣ только замѣтить, что каденца (въ андакте каватинны 1-го д.) далеко не удовлетворила насъ, тоже можно сказать о кабалеттѣ. Вообще, недостатокъ метода г-жа Лагура вознаграждаетъ своимъ замѣчательнымъ драматизмомъ, который такъ могущественно дѣйствуетъ на массу. Г-жа Пантье-Дидье во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная Азучена: она никогда не рассчитываетъ на эффекты, а поетъ и играетъ, какъ истинная артистка. Въ первое представленіе она не вполнѣ владѣла своими средствами, и не смотря на это увлекла публику; въ понедѣльникъ, говорятъ, (мы не были) успѣхъ ея еще увеличился. Г. Джиральдонн дебютировалъ тоже съ успѣхомъ (графъ Луна), но артистъ былъ смущенъ и даже сильно, и по этому судить о качествѣ его голоса мы еще не можемъ. У г. Джиральдонн высокій баритонъ, метода безукорысленна. Предоставляемъ себѣ въ послѣдствіи поговорить подробнѣе объ этомъ артистѣ; по нашему, лучше подождать, чѣмъ спѣшить съ своимъ мнѣніемъ.

Въ бенефисъ нашего симпатичнаго русскаго тенора г-на Булахова (въ среду) возобновлена съ успѣхомъ опера А. С. Даргомыжскаго «Эсмеральда». Исполненіе было по возможности удовлетворительно, хотя мѣстамъ хоры не совсѣмъ-то были исправны (въ особенности церковный хоръ въ послѣднемъ дѣйствіи); мы увѣрены, что при слѣдующихъ представленіяхъ все пойдетъ лучше, и хоры нашей Русской Оперы по обыкновенію отличатся. Г-жа Булахова исполнила главную роль (въ 1-й разъ). Недостатокъ силы голоса своего она вознаградила старательностію, въ драматическихъ мѣстахъ мы замѣтили гораздо болѣе противъ прежняго оживленія; притомъ, при пріятной наружности г-жи Булаховой, можно сказать вообще, что роль Эсмеральды ей удалась. Г-нъ Булаховъ весьма симпатично спѣлъ партію: Феба. Г. Петровъ (Клодъ Фролло) по обыкновенію отличился какъ цѣ-

вещь и актеръ. На долю г. Васильева 1-го попалась неблагодарная роль Квазимодо, но А. С. Даргомыжскій написалъ для него новую арію, которую онъ исполнилъ съ большимъ чувствомъ, заслуживъ общее одобреніе.

Назначена была еще сцена изъ 4-го дѣйствія оперы: «Жидовка», но по внезапной болѣзни г. Сѣтова сцена эта не могла быть исполнена. Сожалѣя о болѣзни г. Сѣтова, мы не сожалѣли объ его отсутствіи, потому что и безъ того спектакль продолжался довольно долго: опера кончилась почти въ 11 часовъ, а еще оставался балетъ «Крестьянская свадьба».

Въ среду же, на нѣмецкой сценѣ, дебютировала въ раздирающей драмѣ «Marie-Jeanne» (перев. съ французскаго) артистка Дрезденскаго театра г-жа Полина Штольте, гостившая уже у насъ два года тому назадъ. Намъ сообщаютъ, что г-жа Штольте замѣчательная драматическая артистка, отличается прекрасною дикціею, естественностію и выгодной сценическою паружностію. «Эсмеральда» отвлекла насъ отъ этого дебюта; но вѣроятно скоро будемъ имѣть случай познакомиться съ талантомъ г-жи Штольте.

На будущей недѣлѣ, какъ говоритъ, 26 числа, произойдетъ открытіе обновленнаго, или, лучше сказать, совершенно перестроеннаго Михайловскаго Театра. Для открытія дадутъ, какъ мы слышали, «Le roman d'un jeune homme pauvre». Благодаря любезности главнаго архитектора, г. Кавоса, мы имѣли случай видѣть обновленную залу Михайловскаго Театра при полномъ освѣщеніи и подѣлимся съ нашими читателями впечатлѣніемъ, которое она на насъ произвела.

Прежде всего считаемъ долгомъ упомянуть, что главнымъ зодчимъ былъ г. Кавосъ, зодчій Московскаго Большаго Театра, перестроивавшій нашъ Большой Театръ и завѣдывавшій также перестройкою Театра Цирка. Извѣстность г. Альберта Кавоса, архитектора дирекціи Императорскихъ театровъ, такъ велика, что не нуждается въ комментаріяхъ. Помощниками его были: академики Климовъ, Карминъ и г. Штельнъ. Сцену устроивалъ машинистъ Михайловскаго Театра Шафферъ, плафонъ писалъ итальянскій художникъ Бузатто, люстра и бронзовые украшенія вышли изъ мастерской г. Мишке, преемника извѣстнаго фабриканта Китпера.

При входѣ въ залу, васъ ослѣпляетъ блескъ бѣлой краски, господствующей вездѣ неограниченно; по этому бѣлому полю разсыпаны золотыя украшенія, исполненныя съ большимъ вкусомъ; шелковыя драпировки на ложахъ малиноваго цвѣта; рамы и мебель обиты такого же цвѣта трипомъ.

Боковыя ложи на авансценѣ, т. е. царскія, министерская и директорская, сильно выдающіяся впередъ, устроены съ большимъ вкусомъ. Средняя царская ложа гораздо меньше прежней. Весь партеръ занятъ исключительно креслами, а мѣста за креслами замѣнены удобно устроенными скамьями, для которыхъ отведены крайнія, ближайшія къ среднему входу бениары. Въ креслахъ три прохода: одинъ по срединѣ и два по сторонамъ, около ложъ.

На плафонѣ изображено распространеніе просвѣщенія; топъ плафона темный! Это, какъ насъ увѣрили, сдѣлано потому, что съ августа мѣсяца театръ будетъ освѣщаться газомъ и свѣтлый плафонъ, отражая яркій свѣтъ газа, подѣйствовалъ бы невыгодно на освѣщеніе сцены.

Во второмъ ярусѣ устроенъ балконъ.

Верхнія мѣста будутъ исключительно—дешевыя.

Всѣхъ ярусовъ пять; слѣдовательно, театръ сталъ гораздо выше.

Всѣхъ рядовъ креселъ шестнадцать.

Занавѣсъ писанъ также г. Бузатто и изображаетъ вѣщаніе Мольерова бюста въ 1-мъ французскомъ театрѣ. Впрочемъ занавѣса при насъ не опускали и мы не имѣли случая видѣть его.

Сцена сдѣлана длиннѣе и, разумѣется, гораздо выше. Порталь ея поддерживается двумя крылатыми геніями и украшенъ часами; какъ эти геніи, такъ и вообще лѣпныя украшенія, сдѣланы изъ папье-маше.

Фойе также перестроено; мы замѣтили въ немъ, между прочимъ, необыкновенной величины зеркало. Перестроены также лѣстницы, которыя теперь не проходятъ черезъ фойе. Двѣ совершенно отдѣльныя лѣстницы ведутъ прямо въ верхнія мѣста, не имѣя сообщенія съ корридорами прочихъ мѣстъ.

Главныя сѣни теперь обширнѣе.

Надъ главнымъ подъездомъ устроенъ, во всю длину, обширный портикъ, очень удобный при нашемъ климатѣ.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, что сдѣлано въ Михайловскомъ Театрѣ новаго. Мы поговоримъ обо всемъ этомъ подробно по открытіи театра. При бѣгломъ взглядѣ мы многого могли недоглядѣть. Одно только можемъ сказать, что театръ великолѣпенъ и дѣлаетъ величайшую честь г. Кавосу и его помощникамъ. Такихъ театровъ немного въ Европѣ.

Въ будущую субботу, назначенъ во вновь отстроенномъ Театрѣ спектакль, въ пользу г-жи Роже-Солье, весьма добросовѣстной и полезной артистки. Кромѣ того, что сама бенефициантка заслуживаетъ вниманія, спектакль составленъ интересно: между прочимъ дадутъ замѣчательную комедію Скриба «Le Rêve d'amour» (Мечты любви). Въ забавной оперетѣ «Les pantins de Violette» будетъ дебютировать вновь ангажированная артистка театра «Les bouffes parisiens» г-жа Гарніе, о которой поговариваютъ много хорошаго. Желаніе видѣть новый залъ театра, интересный спектакль, дебютъ и заслуги г-жи Роже-Солье, подають надежду, что бенефисъ ея будетъ вполне удаченъ.

М. РАППАПОРТЪ.

МНОГО ЛИ МЫ ИМѢЕМЪ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЯГО РУССАГО ТЕАТРА.

Въ апрѣлѣ нынѣшняго года вышла въ Москвѣ первая книжка новаго журнала, издаваемого г. профессоромъ Тихомировымъ: «Лѣтописи Русской литературы и древности». Въ ней, между прочими матеріалами для исторіи русской литературы, помѣщенъ текстъ мистеріи Варлаама Лашевскаго: «Трагедокомедія о награжденіи въ семь свѣтъ принсканнихъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной, сложенная Варлаамомъ Лашевскимъ, въ Академіи Кіевской». — Этою-то мистеріею и вызвана настоящая статья... Вотъ въ чемъ дѣло:

Изображеніе состоянія театра въ его древнѣйшую эпоху, такъ сказать, въ зародышѣ его,—чрезвычайно важно въ общей исторіи театра.—Для позднѣйшаго времени, болѣе близкаго къ намъ, можно пойти и мемуары главнѣйшихъ дѣятелей тогдашнихъ и свѣдѣнія въ повременныхъ изданіяхъ. Но о началѣ театра мы всегда имѣемъ, сравнительно, скудныя свѣдѣнія, но и тѣ, конечно, любопытны. Читайте *Das Geistliche Schauspiel*, Газе, этюдъ объ англійскихъ мистеріяхъ, А. Ebert'a; я увѣренъ, что это васъ займетъ въ высшей степени; да какъ же этому и не быть: здѣсь вы видите передъ собою интересную картину правовъ, бытъ, представлявшихъ мистеріи комедіантовъ, вникаете въ самое содержаніе піесъ, ихъ значеніе, вліяніе на массу, и т. д.

Стало быть, очень логиченъ будетъ выводъ изъ всего вышесказаннаго, что тамъ, гдѣ матеріаловъ мало—ими слѣдуетъ дорожить, издавать ихъ, дѣлать извѣстными, спасать отъ забвенія... Въ этомъ, именно, положеніи, дѣло у насъ.—Посмотримъ же, дорожимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ, *хранимъ* ли то, что имѣемъ: разберемъ одну за другою статьи, имѣющія предметомъ начало русскаго театра.

Въ «Краткомъ извѣстіи о театральномъ въ Россіи представленіяхъ» *), Я. Штелинь нѣсколько словъ лишь говорить о состояніи театра до Петра, при семъ послѣднемъ упоминаетъ только анекдотъ Манна, ставшій теперь банальнымъ, о «первомъ апрѣлѣ» и собственно начинается изложеніе съ прибытія актеровъ отъ короля Августа къ Аннѣ Іоанновнѣ, въ 1735, но и тутъ это не что иное, какъ сжатое обзорное событіе, а болѣею полнотой отличается новый отдѣлъ «Русскій театръ», гдѣ дѣло уже идетъ о состояніи театра послѣ Ѳ. Волкова, слѣдовательно эпоха намъ знакомая.

Знаменитый русскій актеръ Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій собирался написать исторію русскаго театра для Академіи Наукъ, которой былъ онъ членомъ (см. Сѣвер. Вѣстникъ 1804, ст. 226. Россійская Академія), однако не выдалъ ея. Очень жаль: сколько онъ могъ сообщить интересныхъ свѣдѣній для насъ, не только потому, что онъ пользовался многими источниками, до насъ не дошедшими, но и потому, что могъ руководствоваться своими личными воспоминаніями, какъ одинъ изъ участниковъ великаго дѣла,—рожденія русскаго театра **).

Въ статьѣ, заимствованной изъ историческихъ записокъ о театрѣ, А. М. (Алекс. Ѳедоров. Малиновскаго) ***), доведено до перехода Московскаго театра въ руки Медокса; собственно начало театра изложено гораздо полнѣе, чѣмъ у Штелина,—здѣсь впервые попадаетъ выписка изъ разрядныхъ книгъ, списокъ пьесъ составленный при посольскомъ приказѣ: о Францисѣ и т. д., непремѣнная принадлежность всѣхъ послѣдующихъ статей, и нѣсколько другихъ подробностей.

Въ статьѣ г. Греча ****) особенно полно описаніе основанія театра Волковымъ и состоянія послѣ смерти его, даже сообщено количество жалованья, получавшагося тогдашними артистами; но до этого времени—то же самое, все выписки и прежніе приемы.

Въ вступленіи къ «Лѣтописи Русскаго театра» *****), кн. Шаховскаго особенно замѣчательно подтвержденіе извѣстія, сообщаемого Карамзинымъ о представленіяхъ въ теремѣ царицы Софіи драмы «Екатерина мученица» и другихъ, словами Татьяны Ивановны Арсеньевой, прабабки князя А. А., участвовавшей въ этихъ представленіяхъ и занимавшей главную роль—Екатерины.—Состояніе театра при Волковѣ представлено довольно подробно, по причинѣ личнаго знакомства князя Шаховскаго съ Дмитревскимъ, вѣроятно сообщавшимъ ему нѣкоторыя дополнителныя свѣдѣнія.

Въ началѣ «Обзора Русской Драматич. Словесности» *****)

кн. Шаховскаго замѣчательно изложеніе содержанія мистеріи Дмитрія Ростовскаго: «Кающійся Грѣшникъ», то же со словъ И. А. Дмитревскаго, участвовавшего въ возобновленіи ея при дворѣ Елисаветы Петровны.

Статья Г. Рындовскаго *), «Начало Русскаго Театра»,—статья довольно пустая, ничего не сообщающая, кромѣ вѣчныхъ выписокъ изъ Разрядовъ. Сверхъ того здѣсь изложено содержаніе «Блуднаго Сына»... Что не трудно было сдѣлать,—стоило только взять Новиковскую Библіюфику.

Сюда не подходитъ статья Г. Коппъ въ Р. 1847: она даетъ очень хорошее понятіе о началѣ драмы, оперы и балета со временъ Петра, а о предъидущихъ событіяхъ ограничивается нѣсколькими словами.

Начальная статья въ Драматическомъ Альбомѣ, П. Н. Арапова очень хороша и полна, начиная со второй половины 18 вѣка и нисходя до 1850 года. Въ вступленіи замѣчанія достойно указаніе одного матеріала, находящагося въ библіотекѣ покойнаго Ѳ. В. Бугарина, въ Карловѣ, близъ Дерпта, именно: Божье уничиженіе Голіафа Давидомъ смиреннымъ и праведное его наказаніе отцурочателю Авессалому, при триумфальномъ вшествіи въ Москву Благочестивѣйшаго Государя Петра Алексѣевича. дѣйствіемъ его же Государевой Академіи изображенное. Въ Москвѣ, 1710 года, въ февралѣ. (Мы представили, такъ сказать, экстрактъ заглавія: оно очень длинно).

Книга Г. А. Карабанова «Основаніе (1750) Русскаго театра» замѣчательна въ томъ отношеніи, что при составленіи ея, авторъ пользовался источникомъ, не для всѣхъ доступнымъ: покойный Великій Князь Михаилъ Павловичъ передалъ въ распоряженіе г. Карабанова дѣло объ основаніи театра при 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ (тогда Шляхетномъ), сохранившееся доселѣ въ корпусномъ архивѣ.

Но лучшими и полнѣйшими покамѣстъ надобно считать двѣ статьи г. Пекарскаго «Мистеріи и Старинный театръ въ Россіи» **) и «Русскіе актеры при Петрѣ Великомъ» ***)—они сообщаютъ много любопытныхъ фактовъ и бросаютъ болѣе свѣта на событія, предшествовавшія основанію Русскаго театра.—При составленіи ихъ руководствовался г. Пекарскій сочиненіями Мопе (Назе тогда еще не выдавалъ своего труда), Parfait, Войницкаго, Мацѣвскаго и друг. и рукописями Публичной Библіотеки.

Послѣ г. Пекарскаго была еще статья А. С. въ Моск. Вѣд. 1858 года № 133-й: «Театръ при Русскомъ дворѣ въ XVII вѣкѣ». Тутъ кромѣ извѣстныхъ источниковъ, служившихъ всѣмъ и каждому, взята «Расходная Книга Галицкой Четверти», сообщенная автору изъ Имп. Общества Исторіи и Древностей, и сказаніе А. Лизека, секретаря австрійскаго посольства, въ 1675 году.

Вотъ и всё, что мы имѣемъ изъ статей объ основаніи Русскаго театра ****). Согласитесь, что не очень много.

Изъ мистерій изданы только 5: въ Древней Библіюфикѣ, Новикова «Блудный Сынъ», «Новуходоносоръ» и «Смерть Олоферна». Въ Читеніяхъ Имп. Моск. Общества Истор. и Древн. за 1858 годъ въ книгѣ первой мистеріи Коппскаго: «Милость Божая Украину отъ неудобноносимыхъ обидъ Ляд-

*) Санктпетербургскій Вѣстникъ 1779 года, часть 4, ст. 83.

**) Дмитревскимъ поправлена записка о русскомъ театрѣ, П. Сумарокова, извлеченная изъ бумагъ А. П. Сумарокова, Отеч. Зап. 1822 года, немного сообщающая о состояніи театра до Волкова.

***) Сѣверн. Архивъ 1822 № 21 стр. 179

****) Русская талія, 1825 года.

*****) Репертуаръ 1840, № 6.

*****) Кн. Шаховскій нѣсколько разъ принимался писать исторію театра и на разу, не кончилъ. Такъ вышла его лѣтопись театра, обзоръ русской драмы, словесности, ограничившійся только трагедіею и наконецъ исторіа театра, въ Пантеонѣ 1840.

*) Въ Пантеонѣ № 31. 1845.

**) Сначала въ Современникѣ 1857 года, потомъ отдѣльной книжкой.

***) Современникъ 1858 года № 2.

****) По недосмотру здѣсь пропущена еще статья М. Н. Загоскина въ Трудяхъ Общества Любителей Словесности; но это не что иное какъ старая погудка на новый ладъ, съ припавленіемъ взгляда на театръ, заимствованнаго, болѣею частью, изъ Шиллера, съ изложеньемъ его «на Русскіе нравы».

ских... черезъ І. Б. Хмельницкаго свободившая»; и наконецъ въ настоящемъ 1859 году въ журналѣ г. Тихопрравова, выше названная трагедокомедія Лашевскаго. Пожалуй для счета можно отнести сюда и «Литературную рѣдкость», въ Телеграфѣ 1828 года № 15, прологъ въ честь Императрицы Елисаветы Петровны, но это сюда не совсѣмъ-то подходит по году (1743).

Когда въ Западной Европѣ постоянно появляются капитальные труды, въ родѣ Vendixen, Hase, Ebert'a и другихъ; отчего же мы считаемъ дѣльных какихъ-нибудь 2 статьи и изданныхъ пять мистерій. — Добро бы не было, о чемъ писать и что издавать... а то: въ Императ. Публичной библіотекѣ есть: мистерія о Алексѣ Божьѣ человѣкѣ, комедія на Рождество Христово, Воскресенье мертвыхъ, Владимиръ, Славенороссійскій Князь и мн. въ Румянцовскомъ Музеѣ: «О убійствѣ Ярополка братомъ Владиміромъ»; въ библіотекѣ графа А. С. Уварова *) мистерія о Давидѣ и Саломонѣ. Въ библіотекѣ Ѳ. В. Булгарина выше названная мистерія; по слухамъ, многія изъ драмъ св. Димитрія Ростовскаго находятся доселѣ въ Ростовѣ, мѣстѣ, гдѣ они были въ первый разъ исполнены (въ крестовой митрополита); въ библіотекѣ Св. Синода сохраняются драмы Симеона Полоцкаго. — Сверхъ того, въ Публичной Библіотекѣ есть и древнія *святскія* піесы: «Дафинсъ», «Стефанотокосъ», «Дѣйствіе о Аполлонѣ», «Сципію Африканскій» и многія другія, «Амфитріонъ», «Мольера» и нѣсколько интермедій...

Чтожь мы изъ всего этого выведемъ? — Выше сказано, что хоть мало есть у насъ матеріаловъ, но тѣмъ, которые есть, надо дорожить; — мы этого не дѣлаемъ; — ergo: что имѣемъ не хранимъ, — пусть пропадають и эти слѣды давно минувшихъ дней... когда-нибудь да заплачемъ.

Вѣ.

Москва, 41-го октября.

ОТВѢТЪ МИЛОСЛАВСКАГО НА ОБВИНЕНІЕ Г. БАЖЕНОВА **).

Въ № 42-мъ Музыкальнаго и Театральнаго Вѣстника я прочелъ статью г. Баженова, имѣвшую цѣлю опровергнуть все, что сказалъ обо мнѣ корреспондентъ этого же журнала въ № 40-мъ. Я знаю, что у насъ не принято было до сихъ поръ, чтобы актеръ смѣлъ печатно оправдываться противъ рецензій журнала, которые, какъ древняя инквизиція, присуждаютъ безъапелляціонно жизнь или смерть несчастному, попавшему въ ея лапы, знаю также, что какъ-то странно и неловко защищать самого себя противъ нападокъ критики. Но господа! во имя гласности, которой вы всѣ служите, во имя той гласности, которой вы такъ радовались и прославляли, позвольте бѣдному актеру сказать слово въ свою защиту, когда нѣтъ у него никого, ни друзей, ни знакомыхъ, ни родственниковъ, которые помогли бы ему защищаться, помогли бы ему, какъ говоритъ Кипъ, съ *безталантливостію, съ невѣжествомъ и безъ ученія, лезть въ геніи*.

Вотъ, напримѣръ, статья г. Баженова, какъ я сказалъ выше, имѣла цѣлю уничтожить все то, что сказалъ обо мнѣ корреспондентъ Муз. и Театр. Вѣстн. въ № 40. Взявшись за

*) Прежде бывшей Царскаго.

**) Редакція считаетъ себя обязанною помѣстить статью г. Милославскаго, какъ возраженіе самого артиста на рецензію о немъ, предоставляя читателямъ рѣшать, кто правъ и кто виноватъ.

это г. Баженовъ не разсудилъ придерживаться правилъ, принятыхъ всѣми дѣльными и умными рецензентами, онъ не сталъ разбирать игру мою, какъ говорятъ по пшточкѣ, указывая ошибки и недостатки, подкрѣпляя свое мнѣніе фактами и логикою, совѣтуя то или другое, основываясь на здоровомъ смыслѣ, и дѣлая свои замѣчанія деликатно и безъ оскорбленія личности — нѣтъ, г. Баженовъ нашелъ это лишнимъ, да и не подѣ силу, онъ просто посвятилъ мнѣ два печатныхъ столбца бездоказательныхъ униженій, во всей рецензіи (если только можно статью г. Баженова назвать рецензіею) проглядываетъ личность не къ актеру, а къ человѣку, за что не понимаю. Я не имѣю чести знать лично г. Баженова, незнакомъ съ этимъ именемъ по литературѣ; правда видѣлъ я два, три водевиля, перевода г. Баженова, но они такъ плохи, и такъ пусты, что дерзко было-бы съ моей стороны приписывать ихъ изобрѣтательности моего немилосерднаго рецензента, это вѣроятно однофамилецъ его, который также неудачно пишетъ водевили, какъ настоящий г. Баженовъ рецензіи, и зачѣмъ г. Баженовъ пустился въ такого рода объясненія, чѣмъ опровергъ онъ рецензію корреспондента? ужъ не тѣмъ-ли, что для вящаго эффекта нашелъ, что у меня талантикъ, а не талантъ; это не доказательство, а неумѣстное слово въ устахъ рецензента. Если г. Баженову угодно было мнѣ отказать въ талантѣ, что-же дѣлать, о вкусахъ спорить нельзя, но по недостатку логичныхъ доказательствъ, употреблять унижительныя выраженія, по моему, жалко и недостойно порядочнаго человѣка. Г. Баженовъ, главное, упираетъ на какую-то *безтактность* — слово французское — и я признаюсь въ искусствѣ его не понимаю, а потому и исправиться отъ *безтактности* не могу; на провинциализмъ — да что-же дѣлать, г. Баженовъ? Изъ Парижа, изъ Лондона и Нью-Йорка, русскихъ актеровъ въ Москву не пріѣзжаетъ, я-же имѣю честь служить въ Императорской С.-Петербургской Дирекціи Театровъ и пріѣхалъ сюда изъ Петербурга; но всегда скажу, что лучшая школа для актера, провинція, а въ доказательство моихъ словъ, перечтите московскихъ артистовъ, и вы увидите, что провинція вамъ доставила цвѣтъ труппы, да и что за нападки на провинцію, кто составляетъ публику въ провинціи? не тѣ-же-ли люди, которые живутъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Парижѣ и Лондонѣ, одніе пріѣзжаютъ, другіе отъѣзжаютъ, и въ провинціи и въ Москвѣ, найдутся головы, которыя сумѣютъ отличить дѣльное отъ пустаго, рецензію отъ пошлой брани. Потомъ, что ужасно не нравится г. Баженову, такъ это то, что я всегда думалъ о томъ на сценѣ, какъ стать, какъ сѣсть и проч., да какъ-же иначе? Боже избави отъ такого актера, который объ этомъ не думаетъ, онъ дойдетъ до неприличія и неуваженія къ публикѣ. Сцена — картина, на которой все должно быть изящно, колоритно, все должно удовлетворять эстетическому вкусу зрителя, а отнюдь не оскорблять его, вы же сами нападаете на угловатые жесты, и выходитъ, г. Баженовъ, что сами вы еще не знаете, чего требуете отъ актера, а пишете статью объ актерахъ не съ доброй цѣлю, т. е. съ цѣлю подвинуть искусство впередъ, поправить ошибки, замѣтить недостатки, но замѣтить деликатно, упрекнуть актера, но упрекнуть дѣльно, совѣстливо, и съ полнымъ убѣжденіемъ; а пишете вы эти статьи такъ, какъ говорятъ, для краснаго словца, прочтите рецензіи людей, понимающихъ дѣло, прочтите со вниманіемъ, да съ Богомъ, съ совѣстью и понятіемъ принимайтесь критиковать; мнѣ кажется, что бездоказательная брань

не приносить чести творцу ея, а вѣдь у г. Баженова, всё бездоказательно или основано на личномъ убѣжденіи, что, извините меня, не всегда можетъ быть справедливо, или подкрѣпляется ложнымъ фактомъ, наприм. г. Баженовъ говоритъ, что въ 4 дѣйствіи драмы Клара д'Обервиль, я съ ужасными тѣлодвиженіями, размахиваніемъ рукъ и проч. произносилъ слова: *безъ оправданій, безъ оправданій*, тогда какъ таковыхъ словъ со всѣмъ и нѣтъ въ цѣлой піесѣ (*) а тѣмъ болѣе въ 4 дѣйствіи, гдѣ Жоржъ Морицъ уже боленъ и не можетъ почти говорить, не только кричать; потомъ г. Баженовъ говоритъ, что въ той-же піесѣ я былъ естественъ или натураленъ въ сценѣ передъ зеркаломъ, и тутъ, хотя г. Баженовъ благоволитъ меня и хвалить, но хвалить не логично. Натуральнымъ или естественнымъ актеръ быть не можетъ въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ ни самъ, ни его зрители никогда не бывали. Чтобы быть натуральнымъ въ такомъ положеніи, надо было его прочувствовать самому, мало того, надо, чтобъ и тотъ, который судитъ актера самъ бывалъ въ томъ-же положеніи, дабы могъ сказать утвердительно: *да, это такъ, это натурально*. Но таковые моменты принадлежатъ искусству актера! онъ старается поддѣлать натуру, старается обмануть зрителя этой поддѣлкой и чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ моментъ выходитъ лучше, эти-то положенія на сценѣ называются *эффектами*, а моменты, не натуральными, а эффектными, скажу больше, къ числу сценическихъ эффектовъ, представляемыхъ актеромъ, разумѣется, принадлежитъ и моментъ смерти отъ кинжала, пистолета и яду и проч., но никогда подобный моментъ не можетъ быть натураленъ или совершенно вѣренъ натурѣ, какъ выражаются неопытные рецензенты, я видѣлъ въ Саратовѣ, въ городской больницѣ, двухъ умирающихъ отъ приѣма мышьяка; одинъ изъ нихъ самъ себя отравилъ, другой былъ отравленъ, и хотя оба имѣли одинаковые симптомы болѣзни, но умирали чрезвычайно различно и съ такими припадками, что если бы мнѣ вздумалось ихъ представлять на сценѣ натурально, то не только зрители, но и актеры, окружающіе меня бѣжали-бы со сцены отъ омерзѣнія; слѣдственно, не всегда натура хороша на сценѣ, сцена имѣетъ свои условія, которыми актеръ пренебрегать не можетъ, и въ ущербъ натурѣ долженъ по неволѣ играть эффектно. Проклітія, съумашествія, отравы и смерть, вотъ преобладающіе элементы нашихъ драмъ, особенно французскихъ, какъ же требовать отъ актера натуры тамъ, гдѣ все не натурально, а эффектно, какъ обвинять его въ эффектаціи тамъ, гдѣ безъ эффектацій играть невозможно? прежде чѣмъ писать подобные приговоры, потрудился-бы г. Баженовъ написать драму безъ эффектовъ, поставилъ-бы её на сцену и тогда убѣдился-бы, что французская пословица недаромъ говоритъ: *La critique est aisée, mais l'art est difficile*.

Въ свадбѣ Кречинскаго, о которой именно и говоритъ корреспондентъ Муз. и Театр. Вѣстника, г. Баженовъ, меня не видалъ; онъ не пошелъ въ театръ, предугадывая впередъ, что роль Кречинскаго будетъ мною изуродована; что же, спасибо и за то г. Баженову, но смѣю доложить ему, что такая предусмотрительность въ отношеніи искусства, дѣлаетъ мало чести рецензенту. Если бы эта благая мысль не ходила въ театръ, приходила ему въ голову всякой разъ, какъ я играю, то ни я, ни театръ отъ этого не потеряли бы, а напротивъ это принесло бы пользу г-ну Баженову, онъ лишилъ

ся бы возможности печатно говорить о томъ, на что права еще ни чѣмъ не приобрѣлъ, пересталъ бы ставить тамъ, гдѣ надо сказать въ единственномъ *я*, во множественномъ *мы*, которое такъ много значить въ устахъ дѣльныхъ и совѣстливыхъ рецензентовъ, и такъ уморительно—забавно въ сужденіяхъ г. Баженова. Нѣтъ, г. Баженовъ, прежде чѣмъ рѣшиться такъ громко и такъ рѣзко давать совѣты и наставленія актерамъ, судить такъ положительно объ искусствѣ, признавать или отвергать дарованіе, да еще не собственнымъ *я*, а голосомъ цѣлой публики *мы*, прежде чѣмъ это дѣлать, надо заглянуть вамъ въ самого себя, довольно ли въ васъ, во первыхъ, на то пониманія, а во вторыхъ, неподкупимой добросовѣстности.

Къ счастью еще то, что публика уже потеряла вѣру въ статьи, подобныя статьѣ г. Баженова, ихъ иногда читаютъ, улыбаются и знаютъ откуда вѣтеръ дуетъ, а чаще всего вовсе не читаютъ. Публика, одна публика, имѣетъ право авторитета надъ актеромъ, она одна рѣшаетъ судьбу его, ей служить актеръ и на нее надѣется, рецензентъ—отголосокъ публики, но человѣкъ, взявшій на себя такую обязанность, долженъ быть чуждъ всякаго пристрастія, не долженъ употреблять во зло право судьи, не долженъ ради дружбы или непріязни хвалить или осуждать актера, да и въ осужденіи своемъ, какъ всякой добросовѣстный судья, долженъ быть вѣжливъ, снисходителенъ, справедливъ, а отъ такихъ судей, какъ г. Баженовъ, избави Богъ и театръ и литературу.

В. МИЛОСЛАВСКІЙ.

ЛУДВИГЪ ШПОРЪ.

(Некрологъ).

Германія лишилась одного изъ своихъ любимыхъ музыкантовъ, которымъ вправѣ была гордиться: Лудвигъ Шпоръ, превосходный скрипачъ, и вмѣстѣ превосходный композиторъ, умеръ въ Касселѣ, 76-ти лѣтъ. Онъ около 37 лѣтъ находился капельмейстеромъ при дворѣ Гессенъ-Кассельскаго курфюрста. Шпоръ нѣсколько разъ посѣщалъ Лондонъ, гдѣ нашелъ многочисленныхъ почитателей своего таланта. Знаменитый композиторъ любилъ играть первую скрипку въ классическихъ квартетахъ; прежній герцогъ Брауншвейгскій, также отличный скрипачъ, часто занималъ вторую скрипку возлѣ знаменитаго виртуоза. Шпоръ отличался ростомъ и силой отлета; всякій при видѣ его чувствовалъ невольное уваженіе и симпатію, а узнавъ короче Шпора, невозможно было не любить его. Никогда еще столько добродушной простоты не соединялось съ такимъ талантомъ, даже, можно сказать, гениемъ.

Лудвигъ Шпоръ, въ продолженіи своей продолжительной и блестящей карьеры, изучилъ всѣ роды музыкальной композиціи. Онъ изложилъ правила своей скрипичной школы въ методѣ, раздѣленной на три части, оставшейся навсегда *vade mecum* скрипачей. Въ области драматической композиціи ставить на первомъ мѣстѣ его Фауста и Лессонду, никогда не выходившихъ изъ репертуаровъ германскихъ театровъ.

Трудно исчислить количество мессъ, псалмовъ, ораторій, церковныхъ и мірскихъ хоровъ, которые написалъ и издалъ Шпоръ; въ инструментальной музыкѣ онъ былъ неподражаемъ и не имѣлъ соперниковъ. Пять его извѣстныхъ симфоній не уступятъ симфоніямъ Моцарта, Бетговена и Мендельсона. Его *конетто*, *оттетто*, квинтеты, квартеты, симфоніи concertantes для двухъ скрипокъ и его *concertos* для скрип-

(*) Смотри печатную книгу, Графиня Клара д'Обервиль.

ки—образцы, съ которыми сравнивались нѣкоторыя произведенія, но не превзошли ихъ.

Шпоръ никому не подражалъ и начертилъ себѣ особый путь; нельзя не назвать его основателемъ новой музыкальной школы и лучшимъ композиторомъ нашего времени. Онъ былъ плодотворенъ въ изобрѣтеніи и превосходитъ въ исполненіи. Въ его произведеніяхъ нѣтъ ничего обыкновеннаго, или общаго другимъ композиторамъ; мысль его вездѣ является прекрасной, возвышенной, благородной. Шпоръ принадлежалъ къ небольшому числу людей, никогда несклоняющихся передъ модой, этимъ идоломъ вульгарныхъ умовъ. Онъ горячо любилъ все прекрасное и истинное, что и служить доказательствомъ его вѣры, отражающейся на всѣхъ его произведеніяхъ; въ гармоніи и композиціи онъ правиленъ, благороденъ, превосходитъ въ полномъ смыслѣ этого слова. При первыхъ звукахъ, наименѣе опытный слухъ не можетъ смѣшать музыки Шпора съ музыкой другаго композитора; столько оригинальности въ его стилѣ, формѣ, мелодіи, столько индивидуальности въ каждой музыкальной фразѣ и гармоніи въ цѣломъ. Преобладающій характеръ музыки Шпора—меланхолическій и мечтательный, приводящій душу въ нѣжный восторгъ и ласкающій слухъ. Однако эта мечтательность въ сочиненіяхъ Шпора никогда не переходитъ въ пустую и скучную сантиментальность; мечтательность его увлекаетъ, напротивъ, своимъ поэтическимъ порывомъ и глубиной религиознаго чувства.

Шпора упрекали въ слишкомъ частыхъ и внезапныхъ переѣздахъ въ модуляціяхъ; онъ выказалъ въ нихъ столько учености, что нѣкоторые критики заключили, что онъ болѣе говоритъ уму, нежели сердцу; но это старинное заблужденіе. Критики не понимаютъ, что Шпоръ разсматривалъ музыку совѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ они, придавая особое значеніе каждой идеальной фигурѣ на своей картинѣ, важность и необходимость каждой ноты; ему нужна бездна тонкихъ оттѣнковъ, чтобъ придать картинѣ живые и оживленные звуки и заставить ее отразить всѣ богатые образы своей души; критики не принимаютъ въ соображеніе того, что всѣ эти качества и составляютъ превосходство Шпора. Произведенія его можно сравнить съ созданіями старинныхъ художниковъ германской живописи, передававшихъ каждый цвѣтокъ, каждый листокъ, каждую мелкую подробность картины также старательно, какъ важныя ея части, не вредя грандіозности главныхъ фигуръ. Вездѣ видна рука художника, и удивительно, несмотря на такое огромное развитіе гармоническихъ сокровищъ, музыка Шпора сохраняетъ величайшую ясность. Ничего запутаннаго, отталкивающаго; одна мысль всюду господствуетъ, всюду просвѣчивается, безпрестанно повторяется и все болѣе и болѣе увлекаетъ слушателя. Эти повторенія не утомляютъ, потому, что являются всякій разъ въ новомъ видѣ, съ новыми украшеніями, до тѣхъ поръ, пока не приведутъ въ сотрясеніе всѣ струны человеческого сердца.

Итакъ, сочиненія Шпора, задуманные въ широкихъ размѣрахъ, великолѣпно исполненные, развиваются передъ слушателемъ съ удивительною ясностью; они правятся уму своею тонкою прелестью и увлекаютъ своимъ чувствомъ восторженныхъ души.

Искусство—это воображеніе, переданное исполненіемъ; искусство—нѣжный толкователь чувствъ; степень ихъ красоты и оригинальности составляетъ степень совершенства произведенія. Но искусство и наука такъ тѣсно соединены другъ съ другомъ, что трудно представить ихъ раздѣленны-

ми. Непмѣтъ ни-того ни-другаго—большой недостатокъ; соединять ихъ въ равной степени—значитъ быть совершенствомъ: таковъ былъ Шпоръ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Городскія извѣстія. — Опера и театр въ Ригѣ. — Тирольцы въ Ригѣ. — Парижскія новости. — Домашніе спектакли въ Компьенѣ. — Роже. — Нѣсколько словъ о Россіи. — Парижскіе театры. — Процессъ парфюмеровъ. — Вѣсти изъ Германіи. — Тангейзеръ въ Вѣнѣ. — Два Некролога. — Еще нѣсколько словъ о празднествахъ Шиллера. — Выездъ — Дуэль Марио. — Опера въ Лиссабонѣ. — Перенесеніе тѣла Нагашини. — Орфей въ Парижѣ. — Анекдотъ.

На прошедшей недѣлѣ, во 2-мъ дѣйствіи балета «Два вора» исполнена была новая кадрили «Le prince Imperial». Это вполне салонный танецъ, всѣ фигуры котораго весьма интересно сгруппированы. Слѣпшимъ познакомить читателей нашихъ съ новымъ танцемъ, который, вѣроятно скоро войдетъ у насъ въ моду и при сегоднешнемъ №-рѣ прилагаемъ музыку къ кадрили, съ объясненіемъ фигуръ на русскомъ и французскомъ языкѣ.

Знаменитый хореографъ, г. Перро, пріѣхалъ на прошедшей недѣлѣ въ С. Петербургъ.

Извѣстный композиторъ Бальфъ тоже въ Петербургѣ. Съ нимъ дочь его, г-жа Викторина Бальфъ, отличная пѣвица, имѣвшая въ послѣднее время большой успѣхъ въ Лондонѣ. Говорятъ, что г-нъ и г-жа Бальфъ намѣрены дать нѣсколько концертовъ.

По окончаніи празднествъ въ Ригѣ въ честь Шиллера, на которыхъ исполнялась только серьезная, торжественная музыка, двѣ веселыя оперы оживили начавшійся сезонъ. Возобновлены: «Марта» и «Почтальонъ» Адама. «Марта» прошла несовѣмъ удовлетворительно; главная роль не по силамъ молодой пѣвицы г-жѣ Уингеръ, обладающей пріятнымъ, но слабымъ голосомъ; прочія роли были исполнены добросовѣстно; гораздо живѣе прошелъ «Почтальонъ»; молодой теппоръ Белькенъ такъ прекрасно спѣлъ и сыгралъ роль почтальона Шапелу, что оживилъ всю оперу, въ которой прочіе пѣвцы были довольно слабы.

Драматическая рижская труппа, прошедшую недѣлю, давала только произведенія Шиллера, отчего недѣлю эту называли *недѣлей Шиллера*. Даны были поочередно: «Донъ-Карлосъ», «Лагерь Валленштейна», «Вильгельмъ Тель» и др., явилась еще одна драма: «Das Lied an die Freunde» Шмита, въ которой выставленъ поэтъ въ главные эпизоды своей жизни. Доброе намѣреніе изобразить нѣкоторыя черты изъ жизни великаго поэта извиняетъ слабость этого драматическаго произведенія. Остальныя подробности юбилея были уже описаны въ прошедшемъ №, и потому переходимъ къ западнымъ новостямъ, прибавивъ только, что юбилей Шиллера отпразднованъ и въ Одессѣ тамошнимъ музыкальнымъ обществомъ любителей и артистовъ.

Въ Ригу пріѣхалъ хоръ тирольцевъ, подъ управленіемъ извѣстнаго петербургской публикѣ Райнера. Національныя пѣсни тирольцевъ, пишутъ намъ изъ Риги, имѣютъ свою оригинальность, но гораздо умѣстнѣе въ кофейной, за кружкой пива, чѣмъ въ концертной залѣ.

Французскій дворъ, какъ извѣстно, находится теперь въ Компьенѣ, гдѣ избранный кружокъ немногихъ счастливцевъ наслаждается попеременно охотой, прогулками, музыкальными вечерами, спектаклями. Артисты театра Одеона сыграли передъ ихъ величествами двѣ комедіи: *Livre III, chapitre I*, и *Le Testament de César Girodot*. — Артисты театра Variétés

представили драму: «Les Dettes du coeur», въ которой съ очень выгодной стороны выказался талантъ m-lle Брессанъ, молодой дебютантки, подающей самыя блестящія надежды.—Но при дворѣ Наполеона III недовольствуются спектаклями актеровъ, составляются и домашнія, въ которыхъ принимаетъ участіе сама императрица Евгенія; также отличаются книжныя Меттернихъ, герцогъ Каворъ и баронъ Талейранъ. До сихъ поръ сыграны. «Un caprice», Альфреда де Мюссе и смѣшной водевилъ «Un tigre de Bengale»; разучиваютъ еще новую комедію Октава Фелье.

Знаменитый пѣвецъ и любимецъ парижанъ, Роже, о которомъ въ послѣднее время такъ много говорили, до сихъ поръ еще служить предметомъ разныхъ толковъ.—Газета Ind. Belge пишетъ слѣдующее о Роже: Знаменитый теноръ рѣшительно снова поступаетъ на сцену Большой оперы и безъ всякаго труда повторилъ съ Боннегэ дуэтъ изъ «Королевы Кипрской», гдѣ, какъ извѣстно, Жераръ начинаетъ свою партію со шпагой въ рукѣ.

Independance и другіе журналы, повторявшіе эту новость, были жертвою шутки, придуманной неизвѣстно кѣмъ. Роже только разъ пріѣзжалъ въ Парижъ послѣ своего ужаснаго случая и не повторялъ «Королевы Кипрской»; одно только справедливо: многіе искусные доктора стараются доставить возможность знаменитому пѣвцу снова явиться на сценѣ. Недавно одинъ изъ этихъ докторовъ пріѣхалъ къ Роже съ незнакомымъ ему господиномъ, который необыкновенно ловко и любезно поклонился артисту. Онъ снялъ шляпу и по просьбѣ доктора снова надѣлъ ее. Оказалось, что спутникъ доктора былъ одиорукій и сжималъ и надѣвалъ шляпу механической рукой, необыкновенно искусно сдѣланной. Роже былъ въ одно время пораженъ и тронутъ. Благодаря парижскимъ докторамъ, Роже дѣйствительно можетъ безпрепятственно явиться на сценѣ; а пріѣзжалъ въ Парижъ, какъ сказано выше, для переговоровъ съ Ройе, директоромъ Большой оперы, о представленіи, которое въ скоромъ времени будетъ дано въ его пользу.

Носятъ также слухи, что первый выходъ Роже послѣ болѣзни будетъ въ оперѣ Вагнера «Тангейзеръ», которую композиторъ намѣренъ отдать на сцену Лирическаго театра; но это только слухи.

Итальянская опера въ Парижѣ рѣшительно процветаетъ репертуаромъ Россини; Le vent est au repertoire de Rossini, говорятъ парижане. Послѣ «Итальянки въ Алжирѣ», «Графа Ори», «Семирамиды», «Вильгельма Теля», который не сходитъ съ репертуара Большой Оперы, дирекція возобновила «Севильскаго Цирюльника», для перваго выхода г-жи Борги-Мамъ.—Французы весьма непостоянны въ музыкѣ и не имѣютъ условіи склонности ни къ какой школѣ.—«Barbieri», очень дурно принятый въ Италіи въ началѣ своего появленія, потомъ осыпанный рукоплесканіями, встрѣтилъ большія препятствія со стороны французскихъ музыкантовъ и заслуженныхъ композиторовъ, когда переселился на французскую почву. Россини удалось мало-по-малу восторжествовать надъ врагами, которыхъ пугалъ его геній. Уже давно извѣстный на итальянской сценѣ, «Barbiere» казался невозможнымъ на сценѣ Большой Оперы, до 1837 г. Этою честью Россини обязанъ Дюпре, онъ первый познакомилъ парижскую публику съ Вильгельмомъ Телемъ. Несмотря на соединенные таланты Нурри, Левассера и г-жи Даморочини, «Вильгельмъ Тель», былъ раздробленъ на кусочки и брошенъ отрывками на жертву публики, которая собралась смотрѣть только на пируэты Тальони. Тогдашній директоръ оперы, встрѣтись, однажды съ Россини, поспѣшно подошелъ къ нему и съ сіяющимъ отъ радости лицомъ сказалъ:

— Знаете, любезный маэстро, мы даемъ сегодня вечеромъ второй актъ «Вильгельма Теля»!

— Неужели весь актъ? спросилъ Россини съ своей обыкновенной лукавой улыбкой, часто прикрывающей горечь. — Упрекъ былъ кровавый. — Поклонникъ искусства покраснѣлъ бы до ушей, спекуляторъ и глазомъ не мигнулъ. Онъ полагалъ, что сдѣлалъ очень много, украсивъ отрывкомъ изъ «Вильгельма Теля» театральныя подмостки, на которыхъ порхала чудная «Сильфида», «Дѣва Дуная» и т. д. Но возвратимся къ «Цирюльнику». Г-жа Борги-Мамъ встрѣтила самый блистательный приемъ при появленіи своемъ на сцену, которой уже нѣсколько лѣтъ была украшеніемъ. Гордоны и Цуччини вполнѣ содѣйствовали успѣху прекрасной пѣвицы.

Драматическіе театры Парижа представили мало новостей. Театръ Variétés поставилъ два смѣшныхъ водевиля: «Ce Seclerat de Poireau» и «Il n'y a plus de grisettes», подлежащихъ однако разбору.

Въ циркѣ императрицы явилась новая эффектная драма: «Le chevalier d'Assas». Въ драмѣ есть сраженіе (необходимая принадлежность всѣхъ драмъ цирка), есть великолѣпныя декорации, множество дѣйствующихъ лицъ на сценѣ, военный балетъ, но сюжетъ, хотя и историческій, стоитъ на второмъ планѣ: Кавалеръ д'Асса, лицо неумышленное; онъ извѣстенъ во французской исторіи по своимъ историческимъ словамъ. Во время войны Франціи съ Пруссіей, кавалеръ д'Асса, служившій во французской арміи, былъ случайно окруженъ въ лѣсу непріятелями. Двадцать штыковъ направились на грудь молодого человѣка; непріятельскій офицеръ, зная, что друзья кавалера недалеко, сказалъ ему: если ты вымолвишь слово, то умрешь.—Ко мнѣ Дювернь, громко закричалъ д'Асса, здѣсь непріятель!.. И въ ту же минуту палъ проколотый штыками. Этотъ историческій эпизодъ внесенъ въ драму и составляетъ главный ея эффектъ; остальное все довольно вяло.

На прочихъ театрахъ по прежнему красуются пьесы: «Le Duc Job», «Le Roi de Bohême», «Monsieur Jules», «Les Gens nerveux». Шестое представленіе этой остроумной комедіи Леона Лайа удостоила своимъ посѣщеніемъ Е. В. Великая Княгиня Марія Николаевна съ своимъ августѣйшимъ семействомъ.

Парижскій исправительный судъ приговорилъ къ строгому наказанію парфюмеровъ, уличенныхъ въ продажѣ драматическимъ артистамъ бѣлизъ, въ составъ которыхъ вошли весьма вредныя вещества. Двое артистовъ Пале-Рояля г. Дарми и m-lle Сико даже захворали отъ частаго употребленія этихъ вредныхъ бѣлизъ. Процессъ произвелъ большое впечатлѣніе въ Парижѣ и, вѣроятно, сдѣлаетъ осторожными многихъ продавцовъ косметическихъ средствъ, разстронвающихъ часто здоровье артистовъ своими поддѣльными товарами.

Въ Вѣнѣ предполагаютъ дать на Іозефштатскомъ Театрѣ, «Тангейзера, только съ различными измѣненіями. Мѣста, гдѣ говорится о папѣ и о Римѣ, будутъ замѣнены другими. Венгера превратится въ Фрау Гулду, а Венусбергъ въ Герзельбергъ, иначе цензурный комитетъ не допустилъ-бы представленія этой оперы въ благочестивой столицѣ Австріи.

Недавно умеръ въ Вѣнѣ знаменитый когда-то пѣмекій трагикъ, Вильгельмъ Кунетъ на 61 году.

Въ Дрезденѣ умеръ придворный капельмейстеръ саксонскаго двора Карлъ Готлибъ Рейсигеръ. Этотъ композиторъ пользовался большою извѣстностью въ музыкальномъ мірѣ. Изъ числа многочисленныхъ сочиненій, его задушевные пѣсни (Gesänge) сдѣлались народными. Рейсигеръ занималъ капельмейстерское мѣсто при саксонскомъ дворѣ еще во время Вебера и былъ тогда назначенъ вторымъ капельмейстеромъ, вмѣстѣ съ Морлакки. По смерти послѣдняго онъ принялъ на себя, вмѣстѣ съ Вагнеромъ, управленіе Королевской Оперой. Въ день своего 25-ти лѣтняго юбилея Рейсигеръ былъ назначенъ первымъ придворнымъ капельмейстеромъ и

остался на этомъ мѣстѣ до самой своей смерти. Онъ написалъ также нѣсколько оперъ.

Герцогъ Нассаускій повелѣлъ главную площадь въ Висбаденъ назвать *площадью Шиллера*.

Внукъ Шиллера, г. Глейхепъ ф. Рувурмъ, праздновавшій юбилей своего дѣда въ Веймарѣ, былъ приглашенъ съ своей супругой къ столу веймарскаго герцога, а вечеромъ сидѣлъ въ театрѣ въ герцогской ложѣ. Площади передъ театромъ, на которой стоятъ статуи Шиллера и Гете, была освѣщена электрическимъ солнцемъ. Утромъ въ этотъ день огромная процессія направилась къ Шиллеровой могилѣ, гдѣ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ положили лавровый вѣнокъ на могилу великаго поэта.

Пруссійскій регентъ утвердилъ въ память Шиллера слѣдующее постановленіе: черезъ каждые три года выдавать 1000 талеровъ за самое лучшее поэтическое твореніе, вышедшее въ продолженіи этого времени. Въ день юбилея Шиллера открыть ему памятникъ на главной площади Берлина.

Въ Лудвигслюстѣ живетъ доселѣ бывшая воспитательница дѣтей Шиллера, Фредерика Гартманъ. Не смотря на свои весьма преклонныя лѣта, она помнитъ многіе случаи изъ жизни Шиллера. Особенно часто рассказываетъ она эпизодъ изъ войны съ французами. Когда непріатели безнаказанно опустошали многіе германскіе города, зашли они и въ Веймаръ. Возвратись однажды домой изъ лазарета, Гартманъ съ ужасомъ увидѣла въ кабинетѣ Шиллера (поэта не было дома) вооруженнаго француза, безцеремонно рывшагося въ письменномъ столѣ поэта. Но увидѣвъ случайно имя Шиллера, французъ съ почтеніемъ вскричалъ: «Ah! monsieur Schiller!» и тотчасъ же оставилъ его домъ.

Къ юбилею Шиллера появилась презанимательная рукопись, нигдѣ еще ненапечатанное сочиненіе знаменитаго поэта, недавно возвращенная въ Виртембергъ. Это—исторія Виртембергскаго королевства, сочиненная Шиллеромъ, бывшимъ въ то время ученикомъ школы герцога Карла и поднесенная авторомъ герцогинѣ Францескѣ въ 1778 г. По смерти герцогини, манускриптъ Шиллера вмѣстѣ съ другими бумагами герцогини, попалъ въ Регенсбергъ, откуда въ послѣдствіи отосланъ снова въ Виртембергъ. Нынѣ манускриптъ Шиллера хранится въ народной Виртембергской библіотекѣ и явится какъ дополненіе къ вновь изданнымъ произведеніямъ поэта.

Нѣмецкая газета: Allgemeine illustrierte Zeitung издала къ юбилею Шиллера праздничный номеръ, посвященный исключительно знаменитому поэту; на рисункахъ иллюстраціи изображены: дома, гдѣ жилъ Шиллеръ, видъ Марбаха, сцены изъ его трагедій: «Фіеско», «Вильгельма Теля», «Орлеанской Дѣвы», «Донъ Карлоса» и др., памятники Шиллера и Гете въ Веймарѣ и нѣсколько портретовъ. Текстъ состоитъ изъ біографіи и характеристики поэта.

Въ намять умершаго композитора Шпора, въ Лейпцигской консерваторіи былъ духовный концертъ. На немъ присутствовалъ, въ качествѣ слушателя, Вьетанъ. Знаменитый виртуозъ скоро оставляетъ Лейпцигъ для концертовъ въ Магдебургѣ, Бременѣ и др. Въ концѣ ноября Вьетанъ отправляется въ Вѣну, а оттуда къ посту пріѣдетъ къ намъ въ Петербургъ.

Лейпцигскій гевандгаузъ даетъ ежегодно въ память Мендельсона концертъ. Въ нынѣшнемъ году исполнены 12-й псаломъ и реkvіемъ Моцарта.

Театръ Санъ-Карлосъ въ Лиссабонѣ открылся «Трубадуромъ», въ которомъ участвовали наши старые знакомые. Роль Леопоры занимала г-жа Лотти; Азучены—Тедеско; графа де Луна—Бартолини; Манрико—Фраскини, одинъ изъ лучшихъ

современныхъ теноровъ. Успѣхъ оперы и артистовъ былъ огромный, въ особенности г-жа Лотти, дебютировавшая, въ первый разъ въ Лиссабонѣ, привела публику въ необыкновенный энтузіазмъ.

Изъ Мадрита пишутъ, что Маріо дрался на дуэли съ директоромъ мадритскаго театра *дель-Принчипе*, г. Санъ-Мигуэлемъ. Поединокъ происходилъ на сабляхъ; оба противника слегка ранены.

Синдикъ города Генуи, кавалеръ Морро, предложилъ генуэзскому правительству проэктъ о перенесеніи праха Паганини на его родину и предложилъ также воздвигнуть памятникъ въ честь великаго виртуоза. Извѣстно, что знаменитый скрипачъ былъ погребенъ безъ совершенія церковныхъ обрядовъ; тѣло Паганини похоронено въ одномъ изъ принадлежащихъ ему замковъ, близъ Пармы.

Праха его съ большою пышностію привезутъ въ Геную и по приказанію римскаго двора церковныя молитвы освятятъ гражданскую церемонію. Носятся слухи о большомъ европейскомъ фестивалѣ; главное управленіе его будетъ поручено Берліозу, который, какъ извѣстно, былъ другомъ Паганини. Сивори назначенъ вице-президентомъ коммисіи, наряженной для устройства этого въ полномъ смыслѣ національнаго празднества.

Мы сейчасъ получили извѣстіе, что давно ожидаемый «Орфей» Глюка данъ наконецъ на Лирическомъ театрѣ. Въ слѣдующій разъ поговоримъ подробнѣе объ этомъ представленіи.

Въ прошедшей корреспонденціи изъ Варшавы, по недостатку мѣста, мы пропустили довольно забавный случай, сообщенный намъ корреспондентомъ; помѣщаемъ его сегодня.

Въ одномъ городѣ... городишкѣ, передъ собравшеюся публикою предсталъ молодой скрипачъ, но съ громкимъ именемъ. Онъ имѣлъ полный успѣхъ въ отношеніи пріема, но слушателей собралось мало. Артистъ выкинулъ слѣдующую штуку: онъ объявилъ второй концертъ *въ пользу бѣдныхъ*, по половиннымъ цѣнамъ. Вся знать этого города выразила свое сочувствіе къ концерту и слушателей собралось бездна. Сборъ преувеличилъ всѣ надежды и артистъ, взявъ деньги отправился домой. На другой день явились къ нему нѣкоторые члены благотворительнаго общества и спросили, доволенъ ли онъ пріемомъ публики.

— Да, отвѣчаетъ артистъ, и очень.

— И доходъ былъ большой?

— Я его не считалъ еще, но кажется сборъ хорошъ.

— Бѣднымъ не мало достанется на ихъ долю; неугодили вамъ приступить къ расчету, чтобы передать деньги по принадлежности, продолжали съ почтеніемъ члены.

— Передать? кому? прехладнокровно спросилъ въ свою очередь артистъ?

— Въ кассу благотворительнаго общества; — вы вѣдь играли въ пользу бѣдныхъ.

— Ну, да, въ пользу *бѣдныхъ меломановъ*, чтобы доставить имъ случай послушать меня за половину противъ обыкновенной цѣны, что касается до денегъ, я самъ не богатъ, и оставляю ихъ за собою.

— Изумленные члены, не говоря ни слова, ушли домой.

— Артистъ на другой день оставилъ городъ, между тѣмъ, всѣ журналы, незнавшіе еще о случившемся, наполнены были похвалами, восторгаясь талантомъ, а еще болѣе великодушнымъ поступкомъ артиста.